

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1776](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776)**А. А. Кирзюк****«У МЕНЯ НЕТ СТРАХА»:  
КОВИД-ДИССИДЕНТЫ В ПОИСКАХ АГЕНТНОСТИ И ПРАВДЫ****Правильная ссылка на статью:**

Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>.

**For citation:**

Kirziuk A. A. (2021) "I Have No Fear": COVID Skeptics in Search of Agency and Truth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 484–509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>. (In Russ.)

## «У МЕНЯ НЕТ СТРАХА»: КОВИД-ДИССИДЕНТЫ В ПОИСКАХ АГЕНТНОСТИ И ПРАВДЫ

*КИРЗЮК Анна Андреевна — кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия*  
E-MAIL: kirzuk@mail.ru  
<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

**Аннотация.** В статье рассматривается, как формируется ковид-диссидентский взгляд на пандемию. Анализ полуструктурированных интервью с ковид-диссидентами ( $N=21$ ) показывает, что, в равной степени не доверяя СМИ, они по-разному отвечают на вопрос «кому и зачем нужно преувеличивать опасность коронавируса?». «Умеренные» диссиденты видят за медийными сообщениями борьбу частных экономических интересов, а «радикальные» — мировой заговор, угрожающий жизни и свободе людей. Также ковид-диссиденты под разными углами смотрят на ограничительные меры: хотя «радикальные» относятся к ним менее терпимо, чем «умеренные», только немногие «радикалы» встают на путь открытого сопротивления. В статье показано, что «радикальный» взгляд на пандемию связан, с одной стороны, с переживанием «паники агентности» (Т. Мелли), а с другой — с пессимистическим восприятием будущего. Важную роль в оценке ограничительных мер играет допандемийный опыт увлечения идеями и практиками альтернативной медицины. Нежелание отдавать государству приобретенную в результате этого опыта «самодельную агентность» (С. Хардинг, К. Стюарт) толкает некоторых «радикальных» дисси-

## “I HAVE NO FEAR”: COVID SKEPTICS IN SEARCH OF AGENCY AND TRUTH

*Anna A. KIRZIUK<sup>1</sup> — Cand. Sci. (Philos.), researcher at the Centre for Theoretical Folklore Studies*  
E-MAIL: kirzuk@mail.ru  
<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

<sup>1</sup> Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

**Abstract.** The paper examines the formation of a skeptic view of the COVID pandemic. The author analyses semi-structured interviews with COVID skeptics ( $N=21$ ) and shows that, equally distrusting the media, they give different answers to the question “Who needs to exaggerate the danger of coronavirus and why?”. “Moderate” skeptics see a struggle of private economic interests behind the media reports about the pandemic, while “radical” skeptics point to a world conspiracy that threatens the life and freedom of people. Apart from that, COVID skeptics perceive restrictive measures from different angles: although the “radicals” are less tolerant of these measures, only a few of them express open resistance. The paper shows that the “radical” view of the pandemic is associated, on the one hand, with the experience of agency panic (T. Melley), and on the other, with a pessimistic perception of the future. The pre-pandemic experience of being fascinated by the ideas and practices of alternative medicine plays an important role in assessing restrictive measures. The reluctance to pass the state the self-made agency (S. Harding, K. Stewart) acquired as a result of this experience pushes some “radical” skeptics towards active resistance to restrictive measures.

дентов на путь активного сопротивления  
ограничительным мерам.

**Ключевые слова:** ковид-диссиденты, недоверие СМИ, картина мира, теория заговора, нарратив об упадке, стигматизированное знание, «паника агентности», «самодельная агентность»

**Благодарность.** Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Автор выражает благодарность Алексею Титкову (МВШСЭН) за полезные замечания, высказанные после прочтения чернового варианта статьи.

## Введение

В России ковид-диссидентские идеи стали заметной формой реакции на пандемию. Согласно социологическим опросам, доля россиян, считающих пандемию выдумкой заинтересованных лиц, составляет от 38% до 43,4% [Артамонов, Лаврентьев, 2020а]<sup>1</sup>. Исследование социальных сетей показывает, что тексты, утверждающие, будто власти преувеличивают опасность коронавируса в своих интересах, в период с февраля по август 2020 г. распространялись в русскоязычных соцсетях активнее, чем любые другие высказывания на тему нового вируса [Архипова\* и др., 2020].

Первыми и наиболее радикальными отрицателями пандемии и критиками карантинных мер стали представители ультраконсервативного православного движения «Сорок сороков». Вскоре о преувеличении масштабов эпидемии и об опасности «цифрового концлагеря» заговорили самые разные публичные фигуры — от малоизвестных блогеров и маргинальных экспертов, таких как академик РАЕН Игорь Гундаров и автор газеты «Завтра» Валентин Катасонов, до ведущих с государственных телеканалов.

Однако было бы ошибкой думать, что подобные идеи привлекают только православных фундаменталистов, профессиональных конспирологов и общественных деятелей с сомнительной репутацией. В конце февраля итальянский философ Джорджо Агамбен заявил, что коронавирус не опаснее гриппа, назвал противо-

**Keywords:** COVID skeptics, media distrust, belief system, conspiracy theories, narrative of decline, stigmatized knowledge, agency panic, self-made agency

**Acknowledgments.** The paper was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No. 075-15-2020-908).

The author expresses his gratitude to Alexei Titkov (Moscow School of Social and Economic Sciences) for his helpful comments to the draft of the paper.

<sup>1</sup> См. также: Завадская М., Соколов Б. COVID-19 и политические настроения россиян // Riddle. 21.07.2020. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-politicheskie-nastroenija-rossijan/> (дата обращения: 18.04.2021).

Здесь и далее: \* 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

эпидемические меры несоразмерными угрозе и выразил опасение, что «изобретение эпидемии» может стать предлогом для усиления государственного контроля над гражданами [Агамбен, 2020а]. Чуть позже Агамбен смягчил свои суждения об «изобретенности» вируса, но продолжал называть происходящее «гигантской операцией по фальсификации истины» [Агамбен 2020b: 97]. Левый европейский философ и ультраконсервативные православные активисты неожиданно стали единомышленниками, увидев в противоэпидемических мерах очертания будущего «цифрового Освенцима».

«Ковид-диссидентами» далее я буду называть людей, убежденных в том, что опасность COVID-19 намеренно преувеличивается в интересах некоторых наделенных властью агентов. Как видно, это убеждение объединяет людей слишком разных по культурному бэкграунду и политическим взглядам, чтобы его можно было объяснить недостатком образования, политическими предпочтениями, религиозностью или особенностями информационной среды. Где же тогда следует искать истоки ковид-диссидентских идей?

Пытаясь ответить на этот вопрос, я исходила из предположения, что люди ковид-диссидентских взглядов смотрят на большие медийные события и социальные потрясения через похожие «оптические устройства». «Линзами» для этих устройств служат представления о работе медиа, государства и его институтов, а также более широко — об устройстве социальной реальности. Эти представления, которые Уолтер Липпман называет «стереотипами» и «фикциями» [Липпман, 2004], а Джон Цаллер — «предрасположенностями» [Цаллер, 2004], образуют систему кодов, с помощью которой интерпретируются сообщения о пандемии и связанные с ней ограничительные меры.

Таким образом, первоначальная цель исследования состояла в том, чтобы понять, какие представления формируют диссидентский взгляд на пандемию. Однако в процессе выяснилось, что ковид-диссиденты смотрят на пандемию по-разному. Анализ их высказываний позволяет выделить две позиции, которые далее я буду называть «радикальной» и «умеренной».

Тот факт, что ковид-диссиденты не представляют однородной по своим взглядам группы, уже отмечался. Авторы проекта «КоронаФОМ» различают ковид-диссидентов по степени их «неверия» в новый вирус: собственно «ковид-диссидентами» они называют людей, полностью отрицающих существование коронавируса, а «коронаскептиками» — людей, считающих, что вирус есть, но его опасность преувеличена [Социология пандемии... 2021: 93—95]. По этому критерию всех моих информантов можно классифицировать как коронаскептиков. Они оценивают COVID-19 одинаково: считают, что такой вирус существует, но он опасен не более, чем обычный сезонный грипп или ОРВИ, а его вредность намеренно преувеличивается. Однако они по-разному объясняют такое положение дел. «Радикальные» ковид-диссиденты уверены, что точно знают, кому выгодно преувеличивать угрозу, и объясняют происходящее с помощью глобальных теорий заговора. «Умеренные» затрудняются с определением бенефициаров пандемии и ограничиваются общими рассуждениями о том, что это «манипуляция», которая кому-то выгодна, но их рассуждения не оформляются в полноценный конспирологический нарратив.

После выделения этих двух типов у исследования появилась еще одна задача — выяснить, почему, одинаково оценивая официальную информацию о коронавирусе как недостоверную, «умеренные» и «радикальные» диссиденты видят за ней разную реальность. По какой причине одни для объяснения происходящего обращаются к теориям заговора, а других такая объяснительная модель не привлекает? Чем различаются «оптические устройства», через которые смотрят на мир «умеренные» и «радикальные диссиденты», и какие элементы этих устройств отвечают за привлекательность конспирологических объяснений?

В основе данного исследования лежит 21 полуструктурированное интервью с ковид-диссидентами. 10 информантов относятся к «радикальным» диссидентам, 9 — к «умеренным», 1 представляет «переходный» тип<sup>2</sup>. Большинство опрошенных (14 человек) живут в Санкт-Петербурге. Чтобы избежать влияния возрастных различий на восприятие пандемии, собеседники (за небольшим исключением), подбирались<sup>3</sup> из возрастной группы 30—50 лет<sup>4</sup>. Среди них оказалось 10 мужчин и 11 женщин. Интервью записывались с мая по декабрь 2020 г. Сведения об информантах приведены в Приложении 1.

Интервью проходили в формате свободной беседы (очно и онлайн), в ходе которой информантам предлагалось высказаться по поводу масштабов пандемии, точности официальной статистики и адекватности противозидемических мер, а также выразить свое отношение к нескольким популярным в соцсетях теориям и слухам на эту тему. Также информантам задавались вопросы о соблюдении ими ограничительных мер. Обычно разговор естественным образом выходил на обсуждение таких вопросов, как опыт взаимодействия информанта с государственными институтами, доверие к официальной медицине и СМИ. В качестве дополнительного материала использовались высказывания, которые появлялись с июня по ноябрь 2020 г. в двух ковид-диссидентских пабликах («Секта свидетелей святого ковида» и «Antigen-19») в сети Facebook.

### Портрет ковид-диссидента в количественных исследованиях

Существующие на сегодняшний день количественные исследования предполагают несколько возможных объяснений того, почему люди становятся ковид-диссидентами.

Первое связано с экономическим положением респондентов. Опрос НИУ ВШЭ в мае 2020 г. показал, что россияне, полностью лишившиеся дохода из-за карантинных мер, гораздо более склонны считать эпидемию выдумкой заинтересованных лиц, чем те, чьи доходы не пострадали [Артамонов, Лаврентьев, 2020b: 12]. Согласно июльскому опросу «КоронаФОМ», ковид-диссиденты чаще характеризуют свое материальное положение как плохое и очень плохое, чем респонденты в целом (45% против 34%) [Социология пандемии..., 2021: 93—94].

<sup>2</sup> На момент интервью этот информант был уверен в наличии всемирного заговора вокруг пандемии, но не мог с уверенностью сказать, что является целью этого заговора.

<sup>3</sup> Поиск информантов велся через родственников и знакомых, которым я объясняла, что ишу для исследования людей, считающих опасность коронавируса преувеличенной.

<sup>4</sup> Июльское исследование проекта «КоронаФОМ» показывает, что людей, отрицающих опасность вируса, больше всего среди молодежи и людей 31—45-лет, а меньше всего — среди пожилых людей, при этом возраст является единственным значимым социально-демографическим признаком этой группы [Закутина, 2020].

Второе объяснение связано с недоверием к государственным институтам и официальной информации. Результаты проекта «Values in Crisis» не показывают связи между ковид-диссидентскими взглядами респондентов и ухудшением их экономического положения, но свидетельствуют о том, что восприятие пандемии как мистификации коррелирует с недоверием к правительству и другим государственным институтам<sup>5</sup>. Также они показывают, что ковид-диссиденты не доверяют традиционным СМИ<sup>6</sup>.

Исследования, посвященные околокоронавирусной конспирологии, также говорят о внеэкономических основаниях диссидентского подхода к пандемии. Авторы британского исследования не нашли значимой корреляции между поддержкой конспирологических теорий о пандемии (в том числе и теорий о намеренном преувеличении ее масштабов) и экономическим положением респондентов, но выяснили, что адепты околокоронавирусной конспирологии не доверяют институтам и экспертам [Freeman et al., 2020]. Опрос, проведенный в марте 2020 г. в США, показал, что вера в конспирологические теории о коронавирусе связана с особыми паттернами восприятия информации, такими как *конспирологическое мышление* (склонность видеть за всеми значительными событиями заговоры) и *дениализм* (склонность отвергать информацию, исходящую из официальных источников, от политиков и профессиональных экспертов) [Uscinski et al., 2020].

Как мы увидим дальше, недоверие к политикам и СМИ действительно является важной частью «оптического устройства», через который ковид-диссиденты смотрят на мир. Однако количественные исследования не показывают, почему одни диссиденты находят привлекательными конспирологические объяснения пандемии, а другие нет, и почему одни пытаются активно сопротивляться ограничительным мерам, а другие не считают нужным это делать. Количественные исследования могут выявить отдельные элементы ковид-диссидентского «оптического аппарата», но для более полного понимания его устройства необходимо применить качественные методы. Полуструктурированные интервью позволяют фиксировать важные для информанта нарративы, отражающие его страхи и представления о реальности. В некоторых случаях интервью дает возможность увидеть, как эти представления сформировались: какие именно идеи, ощущения и практики «подготовили» информанта к диссидентскому восприятию пандемии.

В первой части статьи будет рассмотрено, как «умеренные» и «радикальные» ковид-диссиденты объясняют свои сомнения в масштабах пандемии, как относятся к соблюдению ограничительных мер, какие представления их объединяют. Во второй части я подробнее остановлюсь на «радикальных» диссидентах и попробую разобраться, почему их привлекают конспирологические объяснения происходящего и почему некоторые из них практикуют активное сопротивление.

<sup>5</sup> См.: Завадская М., Соколов Б. COVID-19 и политические настроения россиян // Riddle. 21.07.2020. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-politicheskie-nastroenija-rossijan/> (дата обращения: 18.04.2021).

<sup>6</sup> См.: Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году // Riddle. 10.02.2021. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-obshhestvennye-nastroenija-rossijan-v-2020-godu/> (дата обращения: 18.04.2021).

**«Умеренные» диссиденты: подозрения без конспирологии**

Попытки разглядеть реальность за сообщениями СМИ приводят умеренных диссидентов к идее, что за фасадом пандемии некие наделенные властью агенты ведут борьбу за экономические и/или политические ресурсы: *«кому-то нужно было зачем-то посадить людей дома... может, есть какой-то интерес политический в этом, а может, это связано как-то с экономикой»* (В. О.).

Рассуждения умеренных диссидентов о том, что скрывается за пандемией, по большей части абстрактны. Особенно это касается экономической версии, рассказывая которую, «умеренные» неизменно затрудняются с определением конкретных бенефициаров пандемии. Приведу два характерных в этом отношении отрывка из интервью:

Инф.: *Мне кажется, это передел собственности, передел рынка.*

Инт.: *Передел собственности в чью пользу?*

Инф.: *А вот это хороший вопрос... Я не знаю. (М. Л.)*

Инф.: *Я абсолютно не могу понять, кому это выгодно, я только понимаю, что есть какие-то коммерческие структуры, которые сейчас очень сильно разбогатели на этом всем. Это есть однозначно. Просто об этом нам никто не будет рассказывать.*

Инт.: *Какие, например?*

Инф.: *Не знаю. Не хватает интеллекта мне это понять. (Т. Д.)*

В нарративах о политической подоплеке пандемии могут указываться фигуры игроков: *«Пока все заняты вирусом, политики наши, правительство — они делают какие-то вещи за нашей спиной. Пока все боятся заболеть, происходят какие-то дела, о которых мы не можем даже догадываться. Принимают какие-то новые реформы, не знаю...»* (А. Па.). Тем не менее в большинстве «умеренных» нарративов личности бенефициаров пандемии остаются неустановленными («какие-то коммерческие структуры»). Если эти бенефициары идентифицируются, то они — в отличие от нарративов «радикальных» диссидентов, — представляются фигурами российского масштаба («наше правительство»), но никогда не мирового. Что касается целей игры, которая ведется под прикрытием пандемии, то они всегда описываются туманно («какие-то реформы», «какие-то дела»).

Глобальные теории заговора «умеренные» диссиденты отвергают как неправдоподобные, причем одна из причин этого заключается в их масштабе: *«не верю, что все правительства могут между собой договориться»* (Т. Д.). Важно отметить, что рефлексия по поводу состоятельности теорий мирового заговора всегда возникла в интервью с моей подачи; сами «умеренные» диссиденты не склонны объяснять пандемию с помощью этих теорий, хотя знакомы с ними. Уверенность в том, что власти и СМИ намеренно преувеличивают опасность вируса, не приводит их (в отличие от «радикалов») к идее, что «нагнетание паники» вокруг вируса является частью зловещего плана всемирного масштаба.

Очевидно, что мы не можем считать «умеренных» диссидентов конспирологами. Важное свойство конспирологического нарратива состоит в том, что он идентифицирует агентов угрозы и раскрывает их мотивацию [Campion-Vincent, 2005: 104—105]. «Умеренные» диссиденты демонстрируют черты «конспирологического

сознания» (conspiracy mentality) — например, считают, что политики не сообщают гражданам об истинных мотивах своих решений [Bruder et al., 2013]. Но в своих догадках о том, что же скрывается за пандемией, они не приходят к идее заговора, тем более — заговора глобального.

### **«Радикальные» диссиденты: идея всемирного заговора**

В отличие от «умеренных», «радикальные» диссиденты не затрудняются с ответом на вопрос, кому выгодно преувеличивать опасность вируса. В их объяснениях бенефициарами «паники вокруг коронавируса» выступают Билл Гейтс, «хозяева денег», Ротшильды и Рокфеллеры, «мировое правительство» (или «мировая закулиса»), масоны.

У радикальных диссидентов не вызывает сомнения способность правительств разных стран договариваться между собой. В их нарративах известные политики, чиновники и бизнесмены выступают лишь исполнителями планов гораздо более могущественных, зловещих и скрытых от глаз публики персонажей, решающих судьбы всего мира. Так, один мой «радикальный» собеседник поддерживает теорию о том, что пандемия выгодна Биллу Гейтсу, который планирует уничтожить часть населения через вакцины. Но Билл Гейтс не главный агент зла, он лишь выполняет план людей, которых В.Д. называет «мировой закулисой»: *«Билл Гейтс — не самый главный человек. Семьи. Семьи Рокфеллеров, Морганов, Ротшильдов. Они и президентов ставят, эти семьи»* (В.Д.). Другой тоже поддерживает теорию про Билла Гейтса и вакцины, но считает, что главным организатором и бенефициаром «телепандемии» выступает группа лиц, которую он называет «хозяевами денег» и описывает следующим образом: *«Это мощные кланы, у них Рокфеллеры и Ротшильды на побегушках. Это мы считаем, что они такие богатые и влиятельные. А за ними есть еще более влиятельные, это Морганы, Теслы, другие фамилии. За ними есть клан еще более мощный, который нигде особо не фигурирует»* (И. К.).

Цели организаторов «паники» вокруг коронавируса радикальным диссидентам тоже ясны: в большинстве случаев это установление тотального контроля над населением, и иногда — его частичное уничтожение. Некоторые «радикальные» информанты считают, что для заговорщиков важны обе эти цели. И.К. соединят идею уничтожения с идеей контроля в сложной теории, согласно которой введенный с вакциной «жидкий чип» позволит контролировать мысли человека, отключать «диссидентов» от системы безналичного расчета и тем самым обрекать на уничтожение: *«То есть наличных денег нет. Если ты начинаешь что-то не так думать — а мысли и эмоции считываются элементарно чипом — тебя отключают от всего. Человека не воспринимает ни одна система просто, и ему остается только умереть»* (И. К.).

Однако в целом перспектива тотального контроля занимает радикальных диссидентов гораздо больше, чем идея уничтожения населения. Тотальный контроль мыслится как конечная или промежуточная, но обязательная цель заговорщиков. Именно ее радикалы видят за различными противоэпидемическими мерами, причем даже не связанными с видимым ограничением свобод. Например, цель введения дистанционного обучения «радикальный» диссидент может видеть в том, чтобы «сделать людей еще глупее, чем они уже стали», и тем самым облегчить управление



ими<sup>7</sup> (А. А.). Тема контроля, а также связанные с ней рассуждения о «манипуляции сознанием», «оглуплении народа» рефреном проходят через все интервью с «радикальными» диссидентами, и это, как мы увидим дальше, не случайно.

### «Умеренное» и «радикальное» восприятие ограничительных мер

Количественные исследования (например, [Freeman et al., 2020]) показывают, что люди, считающие опасность вируса преувеличенной, в большей мере склонны не соблюдать меры предосторожности, рекомендованные ВОЗ. Однако это не означает, что все ковид-диссиденты пренебрегают мерами безопасности.

Все опрошенные «умеренные» диссиденты соблюдают рекомендованные ВОЗ гигиенические меры (ношение масок, частая дезинфекция рук), хотя и делают это с разной степенью желаяния и регулярности. В целом отношение «умеренных» к ограничительным мерам довольно лояльное, хотя и лишено энтузиазма. Они не видят большой проблемы в том, чтобы их соблюдать: *«Ну хотите поиграться — давайте поиграемся»* (М. Л.). Чаще всего они соблюдают рекомендованные меры ситуативно, исходя из того, насколько в каждой конкретной ситуации велик риск санкций в виде социального неодобрения, конфликтов или штрафов. Например, весной, когда несоблюдение масочного режима еще не грозило штрафами, один мой «умеренный» собеседник надевал маску в тех общественных местах, где маски были надеты на большинстве присутствующих, и не делал этого, если большинство вокруг было без масок (В. Г.).

«Радикальные» диссиденты относятся к ограничительным мерам негативнее. Они расценивают их как шаг на пути к установлению тотального контроля над гражданами:

*Правительство под предлогом коронавируса делает ограничения, чтобы посмотреть, до какого уровня мы позволим себя контролировать, после какой грани мы начнем срывать, начнем забастовки устраивать или еще что-то... Они сейчас прощупывают почву, где эта грань, которую можно пересечь. <...> Посмотрят-посмотрят и что-нибудь сотворят такое, что мы вообще будем ходить по струнке и дышать два раза в минуту.* (Э. Б.)

Несмотря на такое восприятие ограничительных мер, отдельные «радикалы» могут соблюдать их ситуативно — чтобы *«не пугать людей, которые нервно к этому относятся»* (О. Г.), или же полагая, что иногда *«лучше на всякий случай побережься»* (А. По.).

Однако среди радикальных диссидентов выделяется группа людей, которым чужды и опасения «мало ли что», и благодушное отношение к глупости законодателей, и забота о страхах окружающих, и особенно — мягкий конформизм тех, кто боится социального неодобрения. В ковид-диссидентских пабликах периодически проходят дискуссии о том, следует ли отказываться надевать маску в учреждениях,

<sup>7</sup> Моя собеседница не одинока в своих опасениях. С мая по июль 2020 г. на платформе Change.org появилось несколько петиций против предполагаемого введения дистанционного обучения на постоянной основе, причем инициаторы одной из этих петиций также использует аргумент, основанный на страхе контроля: «Этим они добиваются того, чтобы наши дети росли безграмотными, чтобы можно было ими легко управлять!». См.: Петиция против дистанционного обучения школьников набирает обороты в сети // Сиб. фм. 7 апреля. 2020. URL: <https://sib.fm/news/2020/07/07/petitsiya-protiv-distantsionnogo-obucheniya-shkolnikov-nabiraet-oboroty-v-seti> (дата обращения: 18.04.2021).

где за несоблюдение масочного режима могут оштрафовать сотрудников. Одни пользователи говорят, что предпочитают соблюдать правила (какими бы нелепыми и вредными они им ни казались) в ситуации, когда за их нарушение могут пострадать ни в чем неповинные кассиры и менеджеры. Другие на это отвечают, что маска — это нарушение прав и свобод, попытка государства подчинить себе людей, и поддаваться нельзя ни при каких обстоятельствах.

Двое из моих «радикальных» собеседников придерживались второй, более непримиримой позиции по поводу соблюдения ограничительных мер и последовательно сопротивлялись им на протяжении определенного периода времени; несколько информантов сопротивлялись масочному режиму эпизодически. В конце статьи мы обсудим, почему им так важно было это делать.

### **«Пока сам не увижу...»: недоверие властям и СМИ**

Опрошенных ковид-диссидентов объединяет одна особенность «оптического устройства», через которое люди «читают» медийные события: все они убеждены, что информации, поступающей от официальных источников и «больших» СМИ, доверять не следует. По их мнению, эта информация не может отражать реального положения дел, а с помощью медийных сообщений элиты обычно скрывают истинные мотивы своих действий.

Убеждение, что «правды нам никто не скажет» (эта фраза звучала практически в каждом интервью), формирует специфические правила «чтения» медийных сообщений, состоящие в том, чтобы не верить явному содержанию высказываний, а пытаться разглядеть скрытую за ними реальность. Приведу несколько примеров.

По мнению «умеренного» диссидента М.Л., сообщения СМИ призваны замаскировать реальность, в которой принимаются значимые политические и экономические решения: *«Нам же прямо никто ничего не скажет. Если появляется какая-то информация от органов власти, то она для чего-то нужна. Это не козырь... Это вот как в шахматной партии, это пешка. Пешечку скормили, чтоб показать, да? А на самом деле план — он более широкий»* (М.Л.). Поэтому, увидев в апреле 2020 г. репортаж об отправке российской гуманитарной помощи в Италию, М.Л. предполагает, что на самом деле за ним скрываются попытки российского правительства установить с Италией военный альянс:

Инф: Почему-то мы отправляли помощь на военных грузовиках в Италию. Станный выбор, не кажется? Почему не во Францию, например?

Инт.: Может, потому что в Италии была более тяжелая ситуация?

Инф.: А в Испании что, нет? <...> У меня возникло ощущение, что это как-то связано с военными делами. НАТО расширяется в Европе, ставит там комплексы ПВО, может, и мы какие-то лазейки туда прокидываем...

Инт.: Под видом поставок гуманитарной помощи?

Инф.: Ну типа того, да. (М.Л.)

Подобным образом М.Л. интерпретирует сообщения об эпидемиологической ситуации — как прикрытые для передела рынка.

«Радикальный» диссидент Э. Б. уверен, что каждое большое событие, которое подробно освещается в медиа, это своего рода «отвлекающий маневр», необходимый властям для того, чтобы реализовать какие-то заведомо непопулярные решения. Именно в этом ключе он интерпретирует и сообщения об опасности коронавируса, о количестве заболевших и умерших: *«Пыль народу надо в глаза пустить, как обычно... как и с Олимпийскими играми было. Со всеми значимыми мероприятиями, которые у нас проходили в России, под эту марку что-то происходило. Людей уводят в одну сторону, а на самом деле...»* (Э. Б.). Такие представления о работе медиа сложились у него задолго до 2020 г.; неудивительно, что когда в СМИ появились сообщения о пандемии коронавируса, он воспринял их, как «театр на почве ковида» (Э. Б.).

Не доверяя чиновникам и СМИ, ковид-диссиденты предпочитают им личный опыт: *«Я не верю ничему, пока не потрогаю сам и сам не увижу»* (Э. Б.). Поэтому в своих оценках эпидемиологической ситуации скептики вынуждены полагаться на «статистику личных наблюдений», данные для которой собираются по личным каналам. Единственным способом эмпирической проверки официальных чисел становится выяснение того, сколько людей заболело и умерло от коронавируса в кругу лично знакомых респонденту людей. Часто именно эти собственноручно собранные данные окончательно убеждают человека в том, что масштабы эпидемии преувеличены. Несколько моих информантов в самом начале пандемии воспринимали ситуацию как опасную, но когда по прошествии нескольких месяцев в их ближайшем окружении не появилось тяжело больных или умерших, изменили свое мнение. Один из них, работая в военном оркестре, вынужден был весь апрель ездить на репетиции, где собиралось много людей, и поначалу боялся заразиться. К середине мая он пришел к выводу, что вирус не так страшен, как его изображают, поскольку ни сам он, ни коллеги из оркестра не начали болеть: *«Я не вижу просто. Я не могу поверить в то, чего я не вижу»* (В. О.).

### **Почему люди верят в теории заговора: дениализм и «паника агентности»**

Итак, убеждение, что власти скрывают истинную картину происходящего, свойственно как «радикальным» диссидентам, так и «умеренным». Пришло время задаться вопросом, почему, в равной мере не доверяя медиа, ковид-диссиденты по-разному воспринимают сообщения о пандемии и ограничительные меры. Почему одни видят за ними банальный «передел рынка» и политические интриги, а другие — глобальный заговор, угрожающий жизням и свободе людей?

Чтобы ответить на этот вопрос, отвлечемся на некоторое время от ковид-диссидентов и вспомним, почему люди вообще верят в теории заговора.

Привлекательность конспирологии связывают с особым паттерном восприятия информации (denialism), который формируется на основе недоверия к правительству, официальным институтам, экспертам и СМИ [Barkun, 2015; Uscinski, Klofstad, Atkinson, 2016; Freeman, Bentall, 2017; Wood, Douglas, Sutton, 2012]. Это недоверие делает людей восприимчивыми к самым разным, даже противоречащим друг другу конспирологическим теориям [Wood, Douglas, Sutton, 2012], но не только к ним. Конспирология — одна из форм «стигматизированного знания» наряду с альтернативной историей, альтернативной медициной, астрологией, верой в НЛО

и прочими концепциями, не получающими признания со стороны академической науки и других официальных институтов [Barkun, 2015]. Поскольку симпатия к таким теориям вызвана недоверием к институтам и «мейнстриму», носитель одной разновидности «стигматизированного знания» (например, парамедицинских идей) склонен доверять и другим, включая теории заговора.

Психологи связывают веру в теории заговора с ощущениями уязвимости, обделенности, беспомощности и нехватки контроля [Abalakiina-Paar et al., 1999; Sullivan, Landau, Rothschild, 2010; Grzesiak-Feldman, 2013]. Социальные исследования подтверждают эти выводы. Теории заговора находят благодатную почву в маргинализованных группах, где такие ощущения распространены. Поэтому представители расовых и этнических меньшинств более склонны к конспирологии, чем представители большинства [Goertzel, 1994: 739; Bieber et al., 2020; Bodner et al., 2020].

Психологи считают, что конспирология компенсирует недостаток контроля, создавая иллюзию логичного и понятным образом устроенного мира [Abalakiina-Paar et al., 1999; Sullivan, Landau, Rothschild, 2010; Grzesiak-Feldman, 2013]. Но существует и другая точка зрения, согласно которой теории заговора не компенсируют нехватку контроля, а артикулируют ощущение подконтрольности каким-то внешним силам. В частности, Тимоти Мелли связывает расцвет идеи заговора в культуре послевоенных США с сомнениями в собственной автономности, которые начинает испытывать позднемодерный субъект [Melley, 2000: 12]. Многие американцы стали чувствовать, что находятся под влиянием не зависящих от них социальных сил, но при этом не могли их идентифицировать. Из этой смутной тревоги, которую Мелли называет «паникой агентности» (*agency panic*), и рождается фантазия о могущественных заговорщиках, способных контролировать сознание и волю обычных людей с помощью «промывки мозгов». Теории заговора становятся, по выражению Мелли, языком «вернакулярной социологии», на котором американцы говорят и думают о влиянии общества на индивида [Melley, 2008: 153].

Эти идеи Мелли развили Сьюзан Хардинг и Кэтлин Стюарт [Harding, Stewart, 2003]. Они замечают, что теории заговора не только артикулируют тревогу субъекта по поводу утраты автономности и агентности, но и предлагают своего рода лекарство от этой тревоги. Во-первых, такие теории подрывают монополию институтов на знание и власть. Во-вторых, призывают субъекта защищаться от внешнего контроля [ibidem]. Также они дают рецепты сопротивления: например, объясняют, как распознавать знаки тайной деятельности заговорщиков и защититься от «промывания мозгов». Все это наделяет адептов конспирологических теорий новой агентностью, которую Хардинг и Стюарт называют «самодельной» (*self-made agency*).

Для нашего дальнейшего анализа важно отметить, что идеи Т. Мелли, С. Хардинг и К. Стюарт применимы не только к конспирологии, но и к другим формам «стигматизированного знания» — в частности, к разным концепциям в духе нью-эйдж. Один из лейтмотивов идей нью-эйдж — утверждение, что общество с его мейнстримной культурой «промыло нам мозги», в результате чего сила нашего подлинного Я от нас скрыта [Pels, 1998]. Адептам предлагается «раскрыть свой потенциал», отринуть мейнстримные истины и обходиться со своими телом и душой без помощи институтов — без традиционных церквей, официальной медицины

и академической науки. Для реализации идей нью-эйдж не нужны профессиональные ученые, религиозные или ритуальные специалисты, они предполагают действия по принципу «сделай сам»<sup>8</sup>. Так же, как и конспирология, идеи нью-эйдж помогают субъекту в обретении «самодельной агентности».

Итак, привлекательность конспирологии связана, во-первых, с недоверием к институтам, а во-вторых, с ощущениями нехватки контроля и подконтрольности внешним силам, а теории заговора (наряду с другими формами «стигматизированного знания») могут артикулировать эти ощущения и в то же время компенсировать их.

### **«Напряженные отношения с системой»: нехватка контроля и поиски агентности**

В интервью с радикальными диссидентами темы автономности и контроля возникают не только в контексте изложения той или иной теории заговора, но и в рассказах информантов о своем жизненном опыте. Например, бывшему сотруднику полиции важно было рассказать о том, как ему приходилось в принудительном порядке прививаться от гриппа: *«Когда работал, обязывали делать вакцины разные, от гриппа вот, хочешь — не хочешь, у нас там никто не спрашивал... Ну и было возмущение внутри такое, что почему я обязан это делать»* (Э. Б.).

Другой контекст рассуждений на тему контроля — сюжеты о технологиях, позволяющих спецслужбам и большим корпорациям следить за гражданами. Некоторые мои «радикальные» собеседники высказывали опасения, что такие технологии угрожают их частной жизни: *«где гарантия, что в телевизоре или в другом приборе какая-то такая [способная следить за действиями пользователя] микросхема не запрятана? <...> Мы уже все под колпаком»* (Д. П.). Кто-то опасается, что действия интернет-пользователей внимательно отслеживаются властями и могут стать причиной репрессий: *«если напишешь что-то не то на Яндекс-Дзен, к тебе приедут уже завтра люди специально обученные и нахлобучат тебя»* (Э. Б.).

Свойственное многим «радикальным» диссидентам ощущение, что «мы все под колпаком», может, как мы видим, опираться на реальные возможности технологий и реально существующие репрессивные практики, а может подкрепляться фантазиями о несуществующих сверхмощных приборах и техниках «работы с сознанием». Нам в данном случае не важна обоснованность таких страхов. Важно, что нарративы о технологиях слежки рассказываются в интервью, причем это происходит спонтанно, без наводящих вопросов со стороны интервьюера.

Можно предположить, что тревога по поводу утраты автономности и контроля стала эмоциональной основой состояния, в котором пандемия застала многих радикальных диссидентов и которое одна моя собеседница охарактеризовала как *«напряженные отношения с системой»* (В. П.).

В первой части статьи мы говорили о том, что «умеренных» и «радикальных» ковид-диссидентов объединяет недоверие чиновникам и СМИ. Однако радикальные диссиденты не доверяют более широкому кругу институтов, включая официальную

<sup>8</sup> Александр Панченко: «Инопланетяне или снежный человек мало отличаются от богов и демонов». Интервью Александра Панченко (Евгений Былина, Syg.ma) // НЛО. URL: [https://www.nlobooks.ru/books/nauchnaya\\_biblioteka/1483/review/20933/](https://www.nlobooks.ru/books/nauchnaya_biblioteka/1483/review/20933/) (дата обращения: 06.05.2021).

медицину и академическую науку. Большинство моих «радикальных» собеседников симпатизирует различным формам «стигматизированного знания», причем особенно популярны среди них альтернативные медицинские концепции в духе нью-эйдж. «Умеренным» диссидентам такие симпатии — равно как и сомнения в авторитете доказательной медицины, — не свойственны.

Среди моих «радикальных» собеседников оказались поклонники альтернативной истории и астрологии, бывшие и настоящие противники прививок, адепты теории о «конах мироздания», люди, практикующие отказ от лекарств, лечебное голодание, лечебное веганство, лечение самовнушением и другие методы альтернативной медицины. Многие придерживаются одновременно нескольких концепций «стигматизированного знания». Самый яркий в этом отношении пример — Е. К., которая верит в заговор фармакологических компаний и в заговор олигархов, увлекается альтернативной историей, практикует лечебное голодание и другие парамедицинские методы лечения. Будучи глубоко погруженной в разные системы «стигматизированного знания», Е. К. в то же время является носителем самых непримиримых взглядов на ограничительные меры и на протяжении долгого времени практиковала активное сопротивление им. Такое сочетание, как мы увидим дальше, не случайно.

Хотя пандемия коронавирусной инфекции усилила симпатии некоторых радикальных диссидентов к разным формам «стигматизированного знания», увлекаться ими они начали задолго до весны 2020 г. С одной стороны, это увлечение само по себе стало симптом «напряженных отношений с системой», то есть недоверия к государству и его институтам и стремления сопротивляться их власти. С другой стороны, увлечение «стигматизированными» идеями сделало эти отношения еще более «напряженными» и предопределило их дальнейшее ухудшение во время пандемии. Благодаря этим идеям к началу пандемии будущие ковид-диссиденты обладали не только аргументированной дениалистской установкой в отношении научной информации, но также опытом сопротивления официальной медицине и приобретенной в процессе этого сопротивления «самодельной агентностью».

Чтобы понять, как именно погружение в «стигматизированное знание» повлияло на формирование ковид-диссидентских идей и практик, стоит сказать несколько слов о теориях альтернативной медицины, близких многим радикальным диссидентам. Эти теории объявляют доказательную медицину малоэффективной или даже опасной: «таблетки только устраняют симптомы, но не лечат человека» (О. Г.). Часто скепсис по поводу официальной медицины сочетается с верой в заговор фармакологических компаний: «*Вся медицина завязана с фармкомпаниями. А фармкомпании заинтересованы в больных людях. Им нужно поддерживать этот баланс, чтобы человек всегда болел, но не умирал*» (Е. К.). Еще одна важная и общая для этих теорий идея обычно выражается в формуле «все болезни из головы» и состоит в том, что причиной болезней являются не физиологические нарушения в организме человека, а его эмоциональные состояния, поступки, мысли и отношения с окружающими.

Эти идеи имеют практические следствия, самое очевидное из которых — натуропатия, то есть отказ от лекарств и лечение «природными» и «естественными» средствами. Человек, убежденный, что для излечения от любой болезни нужно

просто «поверить в себя» или избавиться от «негативных мыслей» и не совершать плохих поступков, в принципе не нуждается в доказательной медицине: его здоровье зависит исключительно от его способности анализировать свои эмоции и социальные взаимодействия. Это убеждение дает ему возможность дистанцироваться от института официальной медицины и заботиться о своем здоровье самому, в автономном режиме, причем некоторые радикальные диссиденты вошли в этот режим еще до пандемии. Приведу несколько примеров.

Е. К. верит в заговор фармакологических кампаний, считает лекарства бесполезными и полагает, что болезни происходят от незитичного взаимодействия с миром, страха и других негативных эмоций. Она считает свое здоровье зоной своей ответственности и не намерена ни с кем ее делить: *«Ты говоришь себе, что за свою жизнь, за свое здоровье, за все, что меня окружает, я беру ответственность на себя. То есть я не переваливаю ни на кого эту ответственность. Если я попадаю в неприятности, значит, где-то есть недоработка, значит, я это сама притянула к себе»* (Е. К.). Руководствуясь этим убеждением, Е. К. несколько лет практикует веганство и уверена, что оно положительно влияет на ее здоровье, а в случае недомоганий занимается лечебным голоданием и анализирует свои мысли и поступки.

О. Г. придерживается похожих взглядов на официальную медицину и природу болезней и тоже практикует лечебное веганство. Она с неодобрением отзываясь о людях, которые в вопросах здоровья полагаются на официальную медицину («рассчитывают на таблетки») вместо того, чтобы правильно питаться. Когда ей самой во время беременности диагностировали пониженный гемоглобин и прописали препарат, повышающий содержание железа в крови, она не стала его принимать, а вместо этого самостоятельно выяснила, в каких овощах и фруктах содержится железо, повысила их долю в своем рационе и добилась, по ее словам, нужного результата.

В. П. тоже поддерживает теорию заговора фармкомпаний и симпатизирует антипрививочному движению. Будучи сторонницей «новогерманской медицины» и последовательницей инстаграм-блогера Кати Чи<sup>9</sup>, В. П. считает, что *«организм — это такой механизм, который нам через болезни и боли показывает, что у нас в жизни в целом не так»* (В. П.). Она старается не использовать ненужные при таких убеждениях лекарства, в частности, отказалась от антибиотиков. В вопросах здоровья В. П. полагается на собственное умение считать маркеры болезни, диагностировать ее и купировать, и убеждена, что справляется с этим лучше официальной медицины.

Перечисленные практики «автономного действия» наделяют перечисленных информантов той самой «самодельной агентностью», о которой писали С. Хардинг и К. Стюарт. Эта приобретенная агентность является предметом гордости моих собеседниц: она отличает их от людей, привыкших «рассчитывать на таблетки» и быть пассивными потребителями продуктов официальной медицины. Что же

<sup>9</sup> Инстаграм-блогер Катя Чи пропагандирует натуропатию, отказ от прививок, советует лечиться травами и БАДами, призывает бороться с онкологическими заболеваниями посредством диеты, «задавать раку вопросы» и отказываться от химиотерапии. Разоблачительные сюжеты про смерти онкобольных, следовавших советам Кати Чи, несколько раз появлялись на телеканалах, однако количество ее подписчиков растет.

происходит, когда государство, опираясь на экспертное медицинское знание, требует соблюдать самоизоляцию и носить маску в общественных местах? Мои собеседницы, увлеченные парамедицинскими теориями, воспринимают эти требования как посягательство на их «самодельную агентность» в сфере здоровья:

*Инф.: Если я чувствую, что я и мои дети здоровы, я это просто знаю, я могу себе позволить — и я беру на себя ответственность за свои действия. Мы можем пойти во двор и погулять. Мы можем пойти в магазин, мы можем пользоваться общественным транспортом, потому что я знаю, что мы здоровы.*

*Инт.: Но ведь симптомы коронавируса, они же не сразу проявляются после заражения, а через несколько дней?*

*Инф.: Когда я стала сомневаться в продуктивности традиционного лечения, я стала развивать какое-то логическое мышление, осознанность. Это длится уже на протяжении нескольких лет, и я наработала определенный опыт. Я чисто по ощущениям уже своего организма и по наблюдению за организмом своих детей и своего мужа знаю, в какой момент они заболели. Я знаю, когда это будет. <...> И с ковидом та же самая история. <...> Я смогу с ним встретиться лицом к лицу. (В. П.)*

Вводя обязательные для всех ограничительные меры, государство как бы говорит В. П. и ее единомышленникам: «Все-таки я лучше вас разбираюсь в вопросах происхождения, предупреждения и лечения болезней, и поэтому вы должны соблюдать мои предписания». Но они, как видно из приведенной выше цитаты, не готовы признать монополию государства на медицинское знание и поступиться приобретенной агентностью.

Таким образом, именно агентность становится главным предметом конфликта, начавшегося между государством и «радикальными» ковид-диссидентами весной 2020 г., и это относится не только к тем, кто начал сопротивляться «системе» до пандемии и продолжил во время. «Радикальный» ответ на вопрос «зачем властям нужно преувеличивать угрозу коронавируса?» почти всегда включает в себя положение, что власти хотят запугать граждан, чтобы сделать их более управляемыми:

*Это просто манипуляция сознанием людей, вот и все. Запуганных людей можно превратить в стадо баранов, которым легче управлять. (А. По.)*

*Человек в состоянии страха перестает мыслить логически, перестает критически мыслить. То есть у него просто включается функция самовывживания. И ему проще навязать ту идею, которая кому-то нужна. (В. П.)*

*Это просто цирк всемирный, устроенный специально, чтобы людей как-то... напугать, ввести в страх, чтобы подчинить можно было в дальнейшем. (Э. Б.)*

Чтобы не стать объектом «манипуляции» и сохранить агентность, рассуждающий таким образом человек должен не поддаваться страху, то есть не верить в опасность, о которой говорят чиновники, эксперты и СМИ. Поэтому радикальным



диссидентам очень важно подчеркивать свое бесстрашие перед лицом пандемии: «У меня нет страха. Потому что страх — это вот как раз... Сейчас людьми манипулируют через страх, понимаете?» (Е. К.).

Навыки, полученные благодаря парамедицинским теориям, играют в этой борьбе за агентность важную роль. Если страх мыслится как средство подавления агентности, то эти навыки («осознанность» и «логическое мышление»), наоборот, вообразаются как средство ее укрепления.

Итак, «радикальных» ковид-диссидентов беспокоят вопросы их собственной автономности и агентности. Еще до пандемии коронавируса некоторые из них задумывались о своей уязвимости перед лицом государства, стремились дистанцироваться от его институтов и приобрести «самодельную агентность» с помощью теорий «стигматизированного знания». Когда началась пандемия, они решили бороться за свою агентность — не поддаваться страху перед коронавирусом и не признавать монополию официальных институтов на медицинское знание. Но лишь немногие из них решились на крайнюю форму этой борьбы — реальное сопротивление ограничительным мерам.

### **«Радикальные» диссиденты: нарратив об упадке**

Прежде чем перейти к теме сопротивления, мы должны остановиться еще на одной особенности «радикального» диссидентского взгляда на мир. Эта особенность отличает «радикальных» диссидентов от «умеренных», а также влияет на восприятие ограничительных мер и желание сопротивляться им.

В интервью с «радикальными» диссидентами неизменно возникал нарратив, который я называю нарративом об упадке. Без каких бы то ни было специальных вопросов с моей стороны каждый мой «радикальный» собеседник начинал говорить, что нечто в мире — социальный институт, здоровье детей, экологическая ситуация, промышленность, — деградирует на протяжении нескольких последних десятилетий. Если речь шла о явлении социального, а не природного порядка, то отправной точкой этой деградации объявлялся распад советской системы. Важно отметить, что мне не удавалось спровоцировать на такие нарративы «умеренных» диссидентов, хотя я пыталась это сделать с помощью наводящих вопросов.

Институты, чаще всего фигурирующие в «нарративах об упадке», — образование и медицина, и это не случайно. Радикальные диссиденты склонны не доверять медицинской информации, а состояние образования в их воображении напрямую связано с тем, насколько люди подвержены манипуляциям со стороны властей. Так, А. А. считает, что сейчас все реже можно встретить человека с «каким-то культурным багажом», потому что система школьного образования приходит в упадок, начиная с 1990-х годов:

*Советское образование, может, было не самое лучшее в мире, но оно было лучше того, что сейчас. Когда мы учились [в 1990-е годы], память о нем еще была жива, и еще было, на что ориентироваться. <...> Может, про советское образование — это миф. Но оно было лучше, чем то, что сейчас, а то, что будет потом, будет хуже, чем то, что есть теперь. (А. А.)*

И. К. также считает, что школьное образование деградирует, и в подтверждение этого тезиса приводит фразу, якобы сказанную бывшим министром образования: «Советская школа готовила творцов, а мы должны готовить грамотных потребителей». В результате общество, по мнению И. К., стало «легко взять на поводок», хотя еще 30 лет назад люди умели «логически мыслить» и организованно сопротивляться (И. К.).

Многие «радикалы» уверены, что деградирует медицинское образование, а значит, разрушается и медицина как институт: «В СССР была старая школа, врачей нормально учили. А сейчас какие там знания? Заплатишь деньги, и будешь учиться» (Э. Б.). Из-за подобных представлений некоторые радикальные диссиденты особенно не доверяют молодым врачам:

Инф.: Я, допустим, если иду и вижу там [в поликлинике] какую-нибудь бабушку лет 60-ти, я безумно просто рад. Если врач — бабушка, я очень рад. С удовольствием к ней записываюсь и слушаю, что она говорит.

Инт.: А почему врач должна быть бабушкой?

Инф.: А потому что образование сильно рухнуло, понимаете? Если передо мной человек, которому лет 20—25, я не очень доверяю его навыкам. (В. Д.)

В терминах упадка могут описываться другие социальные институты, а также промышленность и экономика, но не только они. Половина моих «радикальных» собеседников считает, что дети сейчас рождаются менее здоровыми или с большим количеством ментальных отклонений, чем раньше. Рассказы об этом выстроены в логике прогрессирующего упадка: «Дети — какие они больные все, это вообще! Мы же такими не были, когда росли. Вообще никогда к врачам не обращались. Редко когда, очень редко там заболеешь чем-то серьезным. Это наше поколение. Наши дети уже больше болели, чем мы, а их дети вообще без конца болят, внуки наши» (Н. Д.). Ухудшение детского здоровья может связываться с деградацией общественной морали. Е. Ку. считает, что сейчас происходит рост гиперактивности, дислексии и расстройств аутистического спектра среди детей, и объясняет это падением нравов. По ее мнению, раньше детей с гиперактивностью было меньше, потому что были «более жесткие моральные устои»; сейчас, когда эти устои расшатаны, рождается большее количество «постабортных» детей, у которых чаще бывают пренатальные патологии.

Итак, дети все чаще рождаются больными, образование и медицина разрушаются, нравы портятся, а люди глупеют. Может показаться, что такие нарративы никак не связаны с ковид-диссидентскими взглядами. Но на самом деле в них отражается специфический взгляд на мир, предопределяющий критическое восприятие любых инноваций. Уверенность, что «раньше было лучше, чем сейчас, а завтра будет хуже, чем теперь», превращает любое нововведение в триггер катастрофических ожиданий. Именно таким триггером для многих «радикалов» стали противозидемические меры.

### **Активное сопротивление: самозащита и обретение сверхагентности**

Сочетание «паники агентности» с уверенностью, что мир неуклонно деградирует, делает радикальных диссидентов особенно чувствительными к ограничениям

свобод, принесенным пандемией. Поэтому в ограничительных мерах они видят не просто нелепые распоряжения властей (такой взгляд характерен для «умеренных»), а шаг на пути к тотальному порабощению граждан. Ограничение свобод и усиление контроля со стороны властей их настораживают, поскольку они озабочены вопросами автономности и агентности. А поскольку в оценке будущего «радикалы» руководствуются логикой прогрессирующего упадка, то они ожидают, что за сегодняшними ограничениями свобод последуют другие, еще более серьезные. Механизм формирования таких ожиданий хорошо отражают аргументы, с помощью которых наиболее радикальные участники ковид-диссидентских пабликов убеждают других в необходимости борьбы с масочным режимом. Эти аргументы строятся по модели «сегодня — маска, завтра — еще нечто более неудобное, бессмысленное и унижительное»:

*Сегодня маску на кассе надень, а завтра не пустят в магазин без скафандра или будут бить палками за нахождение на улице без намордника<sup>10</sup>.*

*А завтра вам скажут носить на голове трусы, послезавтра иметь с собой вазелин для коитуса, через месяц скажут, что надо получить десять ударов палкой, без этого не отпустят товар<sup>11</sup>.*

Ощущение прогрессирующего упадка, помноженное на «панику агентности», приводит некоторых «радикалов» к сопротивлению ограничительным мерам. Но активное сопротивление, то есть отказ надевать маску, за которым следует длительное препирательство с администрацией или водителем, с покупателями или пассажирами, вызов полиции, составление протоколов, — занятие довольно выматывающее. Поэтому даже самые непримиримые из моих собеседников не смогли, по их словам, практиковать активное сопротивление на протяжении длительного времени и перешли к более пассивной, избегающей форме (не посещать магазины, где требуют надевать маску, не пользоваться общественным транспортом). Однако в каком-то смысле психологические затраты, которые несет активно протестующий диссидент, оправданы, поскольку активное сопротивление способно подарить ему чувство исключительной агентности.

В СМИ акты ковид-диссидентского сопротивления обычно представлены как неудачные: мы узнаем о них из заголовков типа «В Казани бабушку без маски выкинули из автобуса пассажиры»<sup>12</sup> или «В Екатеринбурге пассажиры выкинули из трамвая женщину без маски»<sup>13</sup>. Просматривая ковид-диссидентские паблики, мы узнаем, что сопротивление может быть успешным, хотя разные формы высказываний — например, видеосвидетельства и словесные рассказы, — дают

<sup>10</sup> Пост в паблике «Секта свидетелей святого ковида», 21.08.2020.

<sup>11</sup> Комментарий к посту в паблике Antigen-19, 23.08.2020.

<sup>12</sup> Терпение лопнуло. В Казани бабушку без маски выкинули из автобуса пассажиры // Аргументы и факты. Казань. 30 октября.2020. URL: [https://kazan.aif.ru/incidents/emergency/terpenie\\_lopnulo\\_v\\_kazani\\_babushku\\_bez\\_maski\\_vykinuli\\_iz\\_avtobusa\\_passazhiry](https://kazan.aif.ru/incidents/emergency/terpenie_lopnulo_v_kazani_babushku_bez_maski_vykinuli_iz_avtobusa_passazhiry) (дата обращения: 18.04.2021).

<sup>13</sup> В Екатеринбурге пассажиры выкинули из трамвая женщину без маски. «Из-за нее собралась пробка» // ЕАН. Екатеринбург. 8 ноября.2020. URL: [https://eanews.ru/news/v-yekaterinburge-passazhiry-vykinuli-iz-tramvaya-zhenshchiny-bez-maski-iz-za-neye-sobralas-probka\\_08-11-2020](https://eanews.ru/news/v-yekaterinburge-passazhiry-vykinuli-iz-tramvaya-zhenshchiny-bez-maski-iz-za-neye-sobralas-probka_08-11-2020) (дата обращения: 18.04.2021).

авторам разные возможности репрезентации. Видеоролик, герой которого отказывается надеть маску в общественном месте, может закончиться победой борца<sup>14</sup>, может — поражением, а может вообще оборваться в разгар конфликта. Рассказы, в отличие от видео, неизменно повествуют об успехе сопротивления. Их герой не подчиняется требованию надеть маску, доказывая сотрудникам его неправомочность. Но это — только часть его успеха: помимо эксклюзивного права не подчиняться официальным требованиям, герой также получает символическую награду в виде признания и власти.

Приведу два примера таких рассказов. Первый был размещен в августе 2020 г. в паблике Antigen-19 и описывал успешное сопротивление в супермаркете «Ашан»:

*Муж собрал вокруг себя толпу народу — работников, охранников, прохожих — и толкнул речь. Говорил, что нас обманывают с этим ковидом, что надо перестать быть быдлом, что надо начинать себя уважать и бороться с нарушением наших прав, иначе нас так и будут е\*\*\* во все щели, а мы будем это терпеть и ходить в намордниках, что надо очнуться и бороться за свободу. **У людей в глазах зашевелился огонек.** <...> Мужчина в черном развернулся и ушел, передумав вызывать нам наряд полиции, как он грозился. Охранники просто смотрели и **уже ничего не требовали. Прохожие поддакивали.** <...> Ну а с кассиром вообще **произошло чудо.** Вроде как она это все затеяла, но когда все разошлись, она сказала нам: «Ребята, вы, пожалуйста, не держите на меня зла, я поняла — **вы правы абсолютно!!** Надо уже устраивать бунты, чтобы от нас отстали с этими масками, мы и правда уже как быдло»<sup>15</sup>.*

Этот текст рассказывает не только о победе над масочным режимом, но и о приобретении власти. Его герой подобен проповеднику, чья пламенная речь обращает язычников: представители администрации отказываются от своих претензий и признают правоту диссидента, случайные свидетели начинают прислушиваться и соглашаться, а кассир и вовсе обращается в «новую веру». Новообращенная публика дает герою власть: теперь он может не только игнорировать официальные правила, но и диктовать свои.

Второй рассказ об успешном сопротивлении был записан в интервью. Среди моих информантов трое рассказали об опыте борьбы (разной степени длительности) против масочного режима и других ограничительных мер. Самой радикально настроенной из них стала Е.К., которая, по ее словам, с начала пандемии ни разу и ни при каких обстоятельствах не надевала маску. Вот как она описывает эпизод сопротивления, произошедший на вокзале, куда ее не хотели пускать без маски:

*Это было воскресенье, я позвонила и вызвала полицию, **подняла всех**, вызвала начальника ж/д вокзала и сказала ему: «Нарушаются мои права». Собралось 20 человек, то есть **высших вот этих чиновников**, приехали такие и говорят: «Это кто здесь такая вообще? На уши поставила **весь город**». Я говорю: «Нарушаются мои права как*

<sup>14</sup> Примеры успешного сопротивления демонстрирует в своих видео автор популярного в ковид-диссидентских кругах ютьюб-канала Вадим Видякин, «юрист из Кирова» (пример такого материала см.: [https://www.youtube.com/watch?v=T2avd\\_p\\_5LI&t=2s](https://www.youtube.com/watch?v=T2avd_p_5LI&t=2s)).

<sup>15</sup> Пост в паблике Antigen-19 от 23.08.2020.

человека. Я **требую** альтернативный проход, потому что я не прохожу через рамки и я не ношу маски». И **начальник** — он, конечно же, **открыл** <...> и меня пропустили. А один полицейский, он даже потом говорит: «Ну, девушка, ну хоть что-нибудь **можно я напишу**, потому что будет потом... просто так приехал, что ли. Но я, говорит, **вами восхищаюсь**. Если все люди бы вот так осознанно...» (Е. К.)

Елена тоже получает признание аудитории в лице начальника вокзала и полицейского. Так же, как текст из ковид-диссидентского публика, ее рассказ говорит об успешной проповеди, результатом которой становится обретение власти: «высшие чиновники» и начальник вокзала признают правоту рассказчицы, а полицейский выражает ей свое восхищение.

Мы не знаем, как в реальности разворачивались ситуации, описанные в этих двух рассказах, но, опираясь на материалы интервью, мы можем понять, почему подобные тексты построены именно таким образом и что именно приобретает «радикальный» диссидент, сопротивляясь ограничительным мерам и рассказывая об этом. Из интервью с Е. К. мы знаем, что когда-то (до увлечения конспирологическими и парамедицинскими теориями), у нее было ощущение, что ее никто не слышит: «Ты вроде бы требуешь, и вроде говоришь все правильно, а тебя никто не слышит. Такое ощущение, что люди тебя просто... ну как, игнорируют» (Е. К.). Оставшись одна с тремя детьми, она ожидала, что государство будет платить ей пособие по многодетности и выделит жилье, но эти ожидания (неважно, насколько правомерными они были), не оправдались. Описывая свое общение с чиновниками, она снова говорит о неспособности быть услышанной: «Они просто не слышат, они не хотят слушать, не хотят услышать тебя. Им просто все равно» (Е. К.).

Также мы знаем, что уже к началу пандемии Е. К. имела «напряженные отношения с системой», то есть не доверяла официальной медицине и другим институтам и активно сопротивлялась им. В этом ей помогли разные концепции «стигматизированного знания» и связанные с ними практики, причем не только парамедицинские — например, на протяжении нескольких лет она отказывалась проходить через рамки металлоискателей в метро, на вокзалах и аэропортах, требуя обеспечить ей так называемый альтернативный проход.

Все это — и переживание собственной «неслышности», и следование «стигматизированным» идеям, — говорит о том, что к началу пандемии у Е. К. уже была потребность в утверждении собственной субъектности и агентности. Мы видим, что в рассказе об успешном сопротивлении масочному режиму эта потребность удовлетворяется. В этом рассказе государство не только слышит Е. К., но и признает ее правоту. Одерживая победу над его представителями в лице «высших чиновников» и полицейских, она приобретает сверхагентность, недоступную тем, кто проходит через рамки металлоискателей и следует предписаниям властей.

Таким образом, активное сопротивление ограничительным мерам хотя и энергозатратно, но позволяет компенсировать нехватку агентности и недостаток контроля. Поэтому наиболее настоятельную потребность сопротивляться испытывают те, кто еще до пандемии особенно нуждался в усилении собственной агентности и пытался делать это при помощи разнообразных «стигматизированных» идей.

## Заключение

Проведенное исследование позволило добавить несколько важных штрихов к фрагментарному портрету ковид-диссидента, существовавшему в количественных исследованиях. Во-первых, мы увидели различия в способах интерпретации пандемии, которые не фиксировались количественными методами. Убеждение, что опасность вируса преувеличивается властями, не обязательно ведет к конспирологическим объяснениям происходящего: теории заговора привлекают «радикальных» диссидентов, а «умеренные» объясняют пандемию тайной борьбой за экономические ресурсы. Во-вторых, мы выяснили, что ковид-диссиденты по-разному относятся к соблюдению ограничительных мер.

Анализ интервью свидетельствует, что и склонность к конспирологическим объяснениям, и стремление сопротивляться ограничительным мерам связаны, с одной стороны, с «паникой агентности», а с другой — с пессимизмом радикальных диссидентов.

Хотя количественные исследования показывали, что диссиденты более пессимистически настроены, чем остальные граждане<sup>16</sup>, качественные методы позволили увидеть, как именно этот пессимизм связан с поддержкой ковид-диссидентской конспирологии и практиками сопротивления. Ощущение, что мир неуклонно деградирует, приводит к критическому восприятию любых нововведений, в том числе связанных с пандемией. А переживание «паники агентности» развивает особую чувствительность к любым государственным жестам, связанным с усилением контроля и ограничением свобод. Сочетание этой чувствительности с глубоким пессимизмом в отношении будущего формирует «радикально»-диссидентский взгляд на пандемию и заставляет видеть за сегодняшними цифровыми пропусками очертания будущего «цифрового Освенцима», а за введением масочного режима — попытку властей превратить нацию в легко управляемое «стадо».

Метод полуструктурированных интервью позволил увидеть роль, которую играет в восприятии ограничительных мер и в готовности сопротивляться им имеющийся у ковид-диссидента опыт борьбы с «системой». Данное исследование показывает, что хотя все радикальные диссиденты в той или иной мере переживали «панику агентности», активно сопротивляться масочному режиму начали те, кто еще до пандемии конвертировал это переживание в увлечение различными «стигматизированными» [Barkun, 2015] идеями и практиками парамедицинского характера. Практикуя альтернативные методы лечения и отказываясь от вмешательств, принятых в системе официальной медицины, эти люди приобрели «самодельную агентность» [Harding, Stewart, 2003], с которой не захотели расстаться в тот момент, когда государство ввело обязательные для всех ограничительные меры. Некоторых из них это толкает на путь открытого сопротивления ограничительным мерам. Анализ нарративов о таком сопротивлении показывает, что оно позволяет компенсировать нехватку агентности.

<sup>16</sup> Завадская М., Соколов Б. Ковид-диссиденты и политическая поддержка в России в период пандемии. По результатам панельного опроса Values in Crisis, 2020—2021. Доклад на семинаре ЦСИПИ 18.02.2021.

**Список литературы (References)**

- Агамбен Дж. Изобретение эпидемии // Интеллектуальные хроники пандемии / под ред. А. В. Тимофеев. Киев : Днипро, 2020а.
- Agamben G. (2020a) Invention of the Epidemic. In: Timofeev A. (ed.) *Intellectual Chronicle of the Pandemic*. Kyiv: Dnipro. (In Russ.)
- Агамбен Дж. Об истинном и ложном // Интеллектуальные хроники пандемии / под ред. А. В. Тимофеев. Киев : Днипро, 2020b. С. 97—99.
- Agamben G. (2020b). About True and False. In: Timofeev A. (ed.) *Intellectual Chronicle of the Pandemic*. Kyiv: Dnipro. (In Russ.)
- Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Пятая волна. 2020а. URL: [https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE\\_Covid\\_03\\_2020\\_1\\_1.pdf](https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf) (дата обращения: 18.04.2021).
- Artamonov R., Lavrentiev N. (2020a). Public Opinion Poll of the Population of the Russian Federation. Changes Caused by the Epidemic and the Self-Isolation Regime. The 5<sup>th</sup> Wave. URL: [https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE\\_Covid\\_03\\_2020\\_1\\_1.pdf](https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf). (In Russ.)
- Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Седьмая волна. 2020b. URL: <https://www.hse.ru/news/398120110.html> (дата обращения: 18.04.2021).
- Artamonov R., Lavrentiev N. (2020b). Public Opinion Poll of the Population of the Russian Federation. Changes Caused by the Epidemic and the Self-Isolation Regime. The 7<sup>th</sup> wave. URL: <https://www.hse.ru/news/398120110.html> (accessed: 18.04.2021). (In Russ.)
- Архипова А.\*, Радченко Д., Козлова И., Пейгин Б., Гаврилова М., Петров Н. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
- Arkhipova A.\*, Radchenko D., Kozlova I., Peigin B., Gavrilova M., Petrov N. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (дата обращения: 18.04.2021). (In Russ.)
- Закутина Е. «Не верю!» — социологический портрет ковид-диссидента // К-ФОМ. 24.07.2020. <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta> (дата обращения: 18.04.2021).
- Zakutina E. "I Do Not Believe!" A Sociological Portrait of a Covid-Dissident. *K-FOM*. 24.07.20. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta> (accessed: 18.04.2021). (In Russ.)
- Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М. : Институт Фонда «Общественное Мнение», 2021.
- Sociology of a Pandemic. CoronaFOM Project. (2021) Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Липпман У. Общественное мнение. М. : Фонд «Общественное мнение», 2004.

Lippmann W. (2004) Public Opinion. Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М. : Фонд «Общественное мнение», 2004.

Zaller J. (2004) The Nature and Origins of Mass Opinion. Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Abalakina-Paap M., Stephan W., Craig T., Gregory W. (1999) Belief in Conspiracies. *Political Psychology*. Vol. 20. No. 3. P. 637—647. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00160>.

Barkun M. (2015) Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge. *Diogenes*: Vol. 62. No. 3—4. 168—176. <https://doi.org/10.1177/0392192116669288>.

Bieber F., Prelec T., Jović D., Nechev Z. (2020) The Suspicious Virus: Conspiracies and COVID-19 in the Balkans. *BiEPAG Report*. URL: <https://biepag.eu/wp-content/uploads/2020/12/Conspiracies-and-COVID19-in-the-Balkan-English-2.pdf> (accessed: 18.04.2021).

Bodner J., Welsh W., Brodie I., Muldoon A., Leech D., Marshall A. (2020) COVID-19 Conspiracy Theories: QAnon, 5G, New World Order and Other Viral Ideas. Jefferson: McFarland & Company.

Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N., Imhoff R. (2013) Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*. April. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00225>.

Campion-Vincent V. (2005) From Evil Others to Evil Elites: A Dominant Pattern in Conspiracy Theories Today. In: Fine G., Champion-Vincent V., Heath C. (eds.) *Rumor Mills: The Social Impact of Rumor and Legend* New Brunswick, NJ: Aldine Transaction. P. 103—122.

Freeman D., Bentall R. (2017) The Concomitants of Conspiracy Concerns. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 52. P. 595—604. <https://doi.org/10.1007/s00127-017-1354-4>.

Freeman D., Waite F., Rosebrock L., Petit A., Causier C., East A., Jenner L., Teale A.-L., Carr L., Mulhall S., Bold E., Lambe S. (2020) Coronavirus Conspiracy Beliefs, Mistrust, and Compliance With Government Guidelines in England. *Psychological Medicine*. May. <https://doi.org/10.1017/s0033291720001890>.

Goertzel T. (1994) Belief in Conspiracy Theories. *Political Psychology*. Vol. 15. No. 4. P. 731—742. <https://doi.org/10.2307/3791630>.

Grzesiak-Feldman M. (2013) The Effect of High-Anxiety Situations on Conspiracy Thinking. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. Vol. 32. P. 100—118. <https://doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6>.



- Harding S, Stewart C. (2003) 9 Anxieties of Influence: Conspiracy Theory and Therapeutic Culture in Millennial America. In: West H. G., Sanders T. (eds.) *Transparency and Conspiracy: Ethnographies of Suspicion in the New World Order*. London, Durham: Duke University Press. P. 258—288. <https://doi.org/10.1515/9780822384854-011>.
- Melley T. (2000) *Empire of Conspiracy: The Culture of Paranoia in Postwar America*. Ithaca: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501713019>.
- Melley T. (2008) Brainwashed! Conspiracy Theory and Ideology in the Postwar United States. *New German Critique*. Vol. 35. No. 1. P. 145—164. <https://doi.org/10.1215/0094033X-2007-023>.
- Pels P. Religion, Consumerism, and the Modernity of the New Age (1998). *JASO*. Vol. 29. No. 3. P. 263—272.
- Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate For Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3. P. 434—449.
- Uscinski J., Klobstad C., Atkinson M. (2016) What Drives Conspiratorial Beliefs? The Role of Informational Cues and Predispositions. *Political Research Quarterly*. Vol. 69. No. 1. P. 57—71.
- Uscinski J., Enders A., Klobstad C., Seelig M., Funchion J., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. (2020) Why do People Believe COVID-19 Conspiracy Theories? *The Harvard Kennedy School (HKS) Misinformation Review*. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-015>.
- Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M. (2012) Dead and Alive: Beliefs in Contradictory Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 3. No. 6. P. 767—773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.

## Приложение 1

### Список информантов<sup>17</sup>

- В. О. — м. 1984 г. р., СПб., образование высшее, музыкант.  
М. Л. — м. 1987 г. р., СПб., образование высшее, менеджер.  
Т. Д. — ж., 1976 г. р., СПб., образование высшее, преподаватель иностранных языков.  
А. Па. — ж., 1993 г. р., СПб., образование высшее, музыкант.  
А. По. — ж., 1987 г. р., СПб., образование среднее специальное, продавец.  
В. Г. — м., 1979 г. р., СПб., образование высшее, фрилансер в сфере IT.  
В. Д. — м., 1979 г. р., СПб., образование высшее.  
И. К. — м., 1962 г. р., Обнинск, образование высшее, журналист.  
Э. Б. — м., 1979 г. р., СПб., образование среднее специальное, предприниматель.  
А. А. — ж. 1982 г. р., СПб., образование высшее, преподаватель иностранных языков.  
Д. П. — м., 1980 г. р., СПб., образование среднее специальное, работник супермаркета.  
О. Г. — ж., 1991 г. р., Марсель, образование высшее, до недавнего времени — научный сотрудник.  
А. Б. — м., 1980 г. р. СПб., образование высшее, телеоператор.  
В. П. — ж., 1989 г. р., Екатеринбург, образование высшее, предприниматель.  
Е. К. — ж., 1977 г. р., СПб., образование среднее специальное, до недавнего времени — медсестра.  
Н. Д. — ж. 1956 г. р., Черкесск, образование высшее, социальный работник.  
Е. Ку. — ж., 1974 г. р., Обнинск, образование высшее, врач.

<sup>17</sup> Представлены данные только о тех информантах, интервью с которыми цитируются в статье.